

И. И. Панаев

Она будет счастлива

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

И. И. Панаев

Она будет счастлива / И. И. Панаев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 44 с.

ISBN 978-5-4241-3471-5

Иван Иванович Панаев (1812–1862) вписал яркую страницу в историю русской литературы прошлого века. Прозаик, поэт, очеркист, фельетонист, литературный и театральный критик, мемуарист, редактор, он неотделим от общественно-литературной борьбы, от бурной критической полемики 40 — 60-х годов.

В настоящую книгу вошли произведения, дающие представление о различных периодах и гранях творчества талантливого нраво- и бытописателя и сатирика, произведения, вобравшие лучшие черты Панаева-писателя: демократизм, последовательную приверженность передовым идеям, меткую направленность сатиры, наблюдательность, легкость и увлекательность изложения и живость языка. Этим творчество Панаева снискало уважение Белинского, Чернышевского, Некрасова, этим оно интересно и современному читателю.

ISBN 978-5-4241-3471-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

И. И. Панаевъ
Она будетъ счастлива
(Эпизодъ изъ воспоминаній
петербургской жизни.)

*... 'tis in ourselves, that we are thus or
thus ...
Shakspeare.*

I

Есть две вещи безвкусные и холодные льда: юноша мудрствующий и старик молодящийся.

Персидская пословица.

У одного из самых модных рестораторов Петербурга, а это было, кажется, в февраль 183*, пировала в особенной комнате толпа молодежи. За столом, тянувшимся во всю длину небольшой, ярко освещенной комнаты, сидело двенадцать человек. Стол был уставлен опорожненными и полуопорожненными бутылками, красовался стаканами, раскрашенными вином, которые мѣшались с причудливыми рюмками рейнвейна. Видно было, что обѣд перешел за половину, потому что лица застольников одушевлялись румянцем, глаза их сверкали огнем и движения становились вольгѣй и вольгѣй. Уже послѣдовательность рѣчи смѣнялась вспышкой фраз, рассказ прерывался восклицаниями. Но во всемъ этомъ еще былъ какой-то порядокъ, еще выдавались минуты тишины, можетъ быть, предвѣстники бури.

Между этой разгульной гурьбой, между этими нерасчетливыми, дерзкими новичками жизни, безразсудно посмѣивавшимися надъ жизнью, былъ замѣшанъ одинъ человекъ: ему смѣло можно было дать сорокъ лѣтъ; его черные волосы слишкомъ посеребрились годами; его лицо слишкомъ было изрѣзано штрихами минувшихъ страстей; его глаза, мутные, маленькіе, странно свѣтились изъ-подъ нависшихъ бровей: въ его улыбкѣ, которая придавала ироническій очеркъ лицу его, было горькое разочарованіе, равнодушная безнадежность и еще какое-то ядовитое чувство. Въ петлицѣ темнаго фрака его, сшитаго со всею тонкостью модной взыскательности, пестрѣлъ разноцвѣтный, небрежный узелокъ орденскихъ лентъ.

— Шампанскаго! — вскричалъ онъ стоявшему сзади лакею, опрокинувшись на задокъ стула. И его возгласъ повторился двѣнадцать разъ эхомъ.

Бутылку поставили передъ нимъ, онъ отвернулъ рукава и, съ искусствомъ опытнаго знатока, сталъ обрѣзывать ножомъ проволоку.

— Я никому никогда не даю откупоривать шампанскаго, — говорилъ онъ, обращаясь къ молодому человеку, сидѣвшему противъ него. — Теперь для меня осталось только одно это наслажденіе!

— О, гг., — прибавилъ онъ черезъ минуту со вздохомъ, обращаясь ко всѣмъ, — я долженъ бы смотрѣть на васъ съ завистью, но вмѣсто того, признаться ли, я сожалѣю объ васъ. Скажите, какъ проводите вы свое время въ ваши лѣта, съ вашими средствами! Вы являетесь въ залахъ съ нахмуренными бровями, съ важнымъ видомъ занятыхъ людей, съ мудрыми фразами на устахъ. Вы отыскиваете истину въ книгахъ и забываете великое изреченіе, что истина въ винѣ. *In vino veritas!*

— Она здѣсь, гг., — продолжалъ онъ, напѣивая бокалы; напрасно вы будете искать ее въ книгахъ. Она смѣется надъ вашими усилиями. Она играетъ и звѣздится въ этой влагѣ, ловите ее здѣсь.

— Bravo, bravo! *In vino veritas!* — раздалось хоромъ, и бокалы мигомъ были осушены.

Одинъ бокаль оставался только непочатый. Этотъ бокаль стоялъ противъ молодого человѣка, который, облокотясь одною рукою на столъ, казалось, былъ въ какомъ-то раздумьѣ. Его длинныя темныя волосы, красиво завитыя природою, закрывали половину широкаго лба; его черныя большіе глаза выражали раннее утомленіе; его осунувшееся лицо было безцвѣтно, но въ очеркѣ этого лица, но въ этой тонкости глазъ было такъ много привлекательнаго; еще онъ едва достигъ двадцати трехъ лѣтъ, а казался пятью или шестью годами старѣе. Въ модномъ покроѣ его одежды было что-то собственно принадлежащее ему: эта умышленная небрежность, эта невыразимая ловкость, которая скрашиваетъ моду и тотчасъ характеризуетъ человѣка, принадлежащаго къ избранному обществу.

— Ты и не начиналъ своего бокала, Горинь? это худой знакъ! — говорилъ, обращаясь къ нему, сосѣдь его. — Ты, видно, влюбленъ или безъ денегъ. И то, и другое дурно; но теперь не время думать ни о томъ, ни о другомъ. Въ весельѣ должно быть единодушіе, вѣдь ты знаешь:

...одной слезы довольно,

Чтобъ отравить бокаль!

— Разумѣется! Мы собрались сюда не для того, чтобы мечтать! — Кто заговорилъ о слезахъ? — Къ чорту сантиментальность! — Горинь, допивай свой бокаль! — кричали каждый отдѣльно и всѣ вмѣстѣ. И въ этомъ хаосѣ словъ громче всего раздавалось пѣнье одного изъ застольниковъ:

Будемъ пить и любить,
Припѣваючи жить,
Жизнь на мигъ намъ дана,
подавайте вина!
Безъ вина — Божій міръ
Не угѣха для глазъ;
Онъ постыль и уныль.
Расшатайся жъ, нашъ пиръ,
Чтобы каждый изъ насъ,
До утраты всѣхъ силъ,
Припѣваючи жилъ!

Онъ выпилъ свой бокаль, и вино снова замахровило верхушки осушенныхъ бокаловъ.

Когда громъ пѣсенъ и восклицаній смолкъ, пожилой человѣкъ, улыбаясь, обратился къ Горину.

— Знаете ли, — началъ онъ, глядя на него пристально и поддерживая рукою свой подбородокъ, — знаете ли, что въ васъ я вижу представителя нынѣшней молодежи: вы человѣкъ, въ высшей степени заключающій въ себѣ всѣ ея достоинства и всѣ недостатки. Я всегда люблю васъ и часто негодую на васъ: съ такимъ внутреннимъ образованіемъ, съ такими наружными средствами, съ такою свѣтскою ловкостью вы часто хандрите, вы всегда бездѣйствуете въ обществѣ. Это непростительно! И между тѣмъ, повторяю, это общій порокъ нынѣшней молодежи. Эхъ, г.г., не забудьте: вы призваны кружиться въ гостиныхъ, побѣждать, покорять, торжествовать побѣды, а вы лишаете общество души, тогда какъ должны быть душою его; вы безжалостно оставляете дамъ въ жертву тоски и одиночества: онѣ жаждутъ взглядовъ страсти, словъ любви, и что же находятъ вмѣсто всего этого? Недѣли двѣ тому назадъ я нечаянно слышалъ, какъ одинъ

молодой человек, и, замѣтите, чрезвычайно образованный и умный человек, въ продолженіе трехчасовой мазуг рки очень серьезно разглагольствоваль съ своей дамой о погодѣ, о скользяности паркета, объ удобствѣ освѣщенія улиц газомъ...

Хохотъ прерваль рассказчика.

— Кто этотъ любовникъ? — вскрикнуло вдругъ нѣсколько голосовъ. — Кто была эта дама? — Гдѣ это было? — И между тѣмъ *оттычки* шампанскаго вторили крикамъ.

— Поневоля станешь хвалить свое время, — началъ снова ораторъ, уловивъ минуту тишины. — Я имѣю не слѣпое пристрастіе къ прошедшему, не это безотчетное и смѣшное стариковское: "а вотъ какъ при насъ-то бывало!" Нѣтъ, мы въ самомъ дѣлѣ жили не по-вашему въ ваши лѣта; мы бѣгали за удовольствіями, мы ловили ихъ на лету, мы отыскивали ихъ на днѣ морскомъ; и ужъ зато намъ некогда было считать времени. Правда, мы иногда ставили послѣдній занятой грошь ребромъ, но въ насъ кипѣла молодость. Мы извѣдали ее со всѣми безумствами, со всѣми бурями, со всею нѣгою.

— Ваша правда, Свѣтлицкій, — перебилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, разваливаясь на стулѣ и заложивъ палецъ руки за жилетъ. — Да! поколѣніе нашей молодежи жалкое; но развѣ мы виноваты въ томъ, что судьбѣ угодно было выбросить насъ не прежде и не послѣ, а именно теперь? Мы составляемъ собою переходъ отъ невѣжества къ истинному просвѣщенію, отъ животности къ высокому познанію самихъ себя, отъ тьмы къ свѣту. Вы жили въ періодѣ младенчества, мы живемъ въ періодѣ дѣтства: вотъ разница между вами и нами! Въ насъ уже проявилось сознание, въ насъ уже есть порывы къ ученію, жажда къ познанію — конечно, это уже шагъ впередъ; но мы, дѣти, воображаемъ о себѣ гораздо болѣе и *желаніе* смѣшиваемъ съ *исполненіемъ*. Вотъ откуда должно вывести тысячи неизбѣжно смѣшныхъ сторонъ нашихъ. Мы между бездѣльемъ и дѣломъ, въ вѣчномъ колебаніи между тѣмъ и другимъ. Я стою за крайности, г.г.; разумѣется, крайности лучше; но отъ насъ ли зависитъ выборъ?

— Я не доискиваюсь причинъ вашей нелюбезности, г.г., — продолжалъ Свѣтлицкій, — но говорю только, что есть, что вижу, что мнѣ кажется; говорю потому, что принимаю во всѣхъ васъ участіе. Вы черезъ себя теряете все въ обществѣ, вы выпускаете изъ рукъ собственное счастье. Я знаю одну прелестную женщину, одну изъ тѣхъ женщинъ, при появленіи которыхъ слышится въ гостинныхъ говоръ восторга и шипѣніе зависти, женщину съ ангельскою душою и съ огненнымъ сердцемъ, которая очень равнодушна къ одному изъ сидящихъ здѣсь съ нами за столомъ.

Свѣтлицкій обозрѣлъ всѣхъ и улыбнулся.

Любопытство выразилось на всѣхъ лицахъ. Лица юношей обратились къ пожилому человеку съ вопросительными взглядами. Каждый принималъ слова его на свой счетъ, каждый былъ въ ту минуту и гордѣе, и самодовольнѣе. Фантазінъ cadaго стали прихотливѣе разыгрываться, воспаляемыя виномъ. Вино заставляло вѣрять и довѣрять, вино сорвало цѣпи съ воображенія и пустило его рыскать по волѣ.

— Кто этотъ счастливецъ? — Скажите, кто изъ насъ? пусть ея имя будетъ тайной! — Закладую сто противъ одного, что это или я или графъ Вѣрскій! — За здоровье счастливѣйшаго изъ насъ! — За здоровье прекрасной незнакомки!

Наконец крики слились в один нестройный гуль...

— О! в эту минуту я отдаю жизнь! — воскликнул Горинь, — цѣлю жизнь съ безконечно цѣлю наслажденій за одинъ поцѣлуй любви, за одно пожатіе страсти! Скажите мнѣ, что есть женщина, которая любитъ меня, и я окачу васъ шампанскимъ!

Этотъ возгласъ потерялся въ шумѣ раздвигавшихся стульевъ.

Нѣкоторые встали изъ-за стола и разлеглись на диваны, которые тянулись вдоль стѣнъ. Табачный дымъ, разстилаясь по комнатѣ, задерживалъ туманомъ эту картину.

Тогда пожилой человѣкъ незамѣтно подкрался къ Горину и съ видомъ участія схватилъ его руку. Вино не произвело на него замѣтнаго дѣйствія, онъ былъ свѣжѣ всѣхъ...

— Хотите ли знать имя счастливица? — сказалъ онъ молодому человѣку, наклонясь къ его уху; — но молчаніе, ради Бога — мертвое молчаніе! Я вамъ ввѣрю тайну женщины.

Онъ съ демонскою пронизательностью посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Можете ли вы сомнѣваться?..

— Это вы, вы счастливѣйшій изъ людей! Знаете ли, что въ васъ безъ памяти влюблена Зинаида П*.

Какое-то неизъяснимо-сладкое ощущеніе пробѣжало по тѣлу молодого человѣка. Онъ не думалъ допрашивать Свѣтлицкаго, какъ и почему извѣстна ему тайна этой женщины. Онъ вѣрилъ ему въ ту минуту вполне; онъ крѣпко сжалъ его руку. Восторгъ задушалъ его. Онъ недавно узналъ эту женщину, но уже отличалъ ее между другими; въ послѣднее время даже замѣтилъ въ ней что-то необыкновенное въ отношеніи къ себѣ; и вдругъ въ одинъ мигъ передъ нимъ все разгадано, все открыто; и въ какой мигъ? когда воображеніе разливалось по немъ струями огня, когда сердце его било тревогу, когда передъ очами его рисовался идеаль пламенной женщины... Онъ хотѣлъ что-то сказать неожиданному вѣстнику своего счастья, но слова не сходили съ языка его, и мысли кружились. Онъ снова только сжалъ его руку.

— Шампанскаго! — закричалъ тотъ.

— Скорѣй шампанскаго! — повторилъ Горинь, и глаза его засвѣтились полнымъ, невынужденнымъ весельемъ.

— Ай да молодець! — кричали ему со всѣхъ сторонъ. — Давно бы такъ! Славно! Мы всегда видѣли въ тебѣ зачатки прекраснаго! Ты понимаешь стихіи разгула!

Снова начались выстрѣлы откупориваемыхъ бутылокъ, въ громъ несвязныхъ словъ, безтолковаго крика, буйныхъ оргическихъ пѣсень... Голоса смѣшались, крикъ заглушался крикомъ; но въ этомъ хаосѣ голосовъ громче и звучнѣй всѣхъ раздавался голосъ Горина:

— Она будетъ моею! она моя!

Наконецъ все смолкло, и звонъ бутылокъ, и крикъ, и неистовыя пѣсни. Табачный туманъ еще ходилъ по комнатѣ, и въ этомъ туманѣ тускло, печально блистали нагорѣлыя свѣчи. Въ ихъ мерцающемъ блескѣ виднѣлись безобразные остатки вакханаліи, жалкія развалины страстей человѣческихъ. Пожилой человѣкъ осторожно пробрался между столомъ и ногами, которыя торчали съ дивановъ. Онъ взглянулъ на столъ, загроможденный пустыми бутылками и грудями

битаго стекла, потомъ на помертвѣлыя лица молодыхъ людей, лежавшихъ на диванахъ... и губы его искривились улыбкою...

Она моя, — бормоталъ полусонный Горинь, — моя!..

Это бормотанье дошло до слуха Свѣтлицкаго. Онъ протеръ глмза и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

Въ эту минуту стѣнные часы пробили десять...

II

*Et l'ange que le ciel commit à voire
garde*

*N'a jamais à rougir, quand, rêveur, il
regarde*

Ce qui se passe en vous.

V. Hugo.

Она въ самомъ дѣлѣ очаровательна!.. Вы заглядѣлись бы на ея темные, роскошные волосы, иногда упадающіе прихотливыми локонами на мраморъ груди, иногда лежащіе на лбу гладкими, шелковистыми тесьмами; на ея брови, будто проведенныя тонкою, изящною кистью художника; на ея губы тонкія, розовыя, въ которыя бы такъ роскошно впился поцѣлуй; на ея черные глаза... Но эти глааа, кажется, преслѣдовали бы васъ, какъ ваша собственная тѣнь, какъ судьба ваша, если бы вы хоть одинъ разъ взглянули въ нихъ. Они выражали ту неизъяснимую прелесть дѣтскаго простодушія, которую всегда такъ отраднo, но такъ рѣдко встрѣчаешь въ женщинѣ, и между тѣмъ томились огнемъ страсти, завѣряли въ существованіи земного блаженства...

Она въ самомъ дѣлѣ была очаровательна. хотя блѣдность, можетъ быть, слишкомъ рѣзко покрывала лицо ея, хотя въ ея пріемахъ не было этой аристократической, величавой недоступности, которая такъ нравится многимъ. Правда, она и не принадлежала къ аристократическимъ гостинимъ Петербурга; для ея личика, нѣжнаго, идеальнаго, былъ бы тяжелъ сіятельный вѣнецъ. Ея красота не нуждалась въ мишурномъ блескѣ, который слѣпить толпу; она не бросалась въ глаза, но говорила душѣ...

Она была очаровательна и въ простомъ утреннемъ пеньюарѣ, когда ея длинную шелковую косу едва придерживала небольшая гребенка, когда ея дивный, роскошный станъ и лебединая грудь скрывались подъ длинною шалью, когда ея маленькая ножка не сжималась башмакомъ, а покойно лежала въ бархатныхъ туфляхъ...

Она была еще очаровательнѣй въ залѣ, когда летала подъ ладъ музыки, едва касаясь паркета, и бѣлый эшарпъ, будто сотканный изъ воздуха, обвиваясь около ея шеи, развѣвался тѣнью облака вокругъ нея.

Многіе называли ее кокеткой, но эти люди не понимали различія между заученнымъ кокетствомъ и простодушною игривостью характера. Она не умѣла быть притворною; она никогда не была подъ маской, она не скрывала ни грусти, ни веселья, изъ приличія, изъ познаній свѣтскости. Она покорядась вполнѣ состоянію души: или веселилась съ дѣтскимъ самозабвеніемъ, или открыто сучала... Вотъ почему нѣкоторыя женщины изъ общества, къ которому принадлежала она, собираясь иногда въ длинные зимніе вечера за круглымъ столомъ и, отъ нечего дѣлать, критически перебирая своихъ знакомыхъ, завистливо повторяли объ ней: "она такая простенькая!" Вотъ почему дамы высшаго круга, или, какъ говорятъ теперь, "*высшаго полета*", которыя тогда видали ее въ гостиныхъ, спускаясь изъ милости съ своей недоступной высоты одною ступенью пониже, тономъ отличающаго ихъ равнодушія, смѣшаннаго съ жалостью, говорили: "она была бы не дурна, но въ ея манерахъ такая мѣщанская откровенность!"

Она принадлежала къ одному изъ самыхъ скучныхъ и напыщенныхъ обществъ въ Петербургѣ, къ одному изъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ, какъ я сказала уже, появляются иногда дамы высшаго круга, изъ милости, на минуту, сопровождаемыя толпою своихъ поклонниковъ — для того, чтобы открыто показать, что онѣ хотѣли сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ, чтобы блеснуть и исчезнуть, чтобы потомъ отъ души посмѣяться надъ тономъ этого общества, надъ добродушіемъ хозяйки дома и надъ несносными вѣжливостями, которыя она расточала имъ. И согласитесь, что все это очень смѣшно! Женщина, которая готова сдѣлать всевозможныя пожертванія для того, чтобы видѣть на своемъ вечерѣ даму высшаго тона; которая непременно хочетъ, не разбирая средствъ, сама попасть въ аристократическія гостиныя, тянуться во всемъ наравнѣ съ аристократками, вымѣривать ихъ движенія, подмѣчать ихъ взгляды, подслушивать ихъ разговоры и потомъ передразнивать ихъ при случаѣ; женщина, которая съ выраженіемъ необыкновеннаго тщеславія и невыразимаго самодовольствія говоритъ своей пріятельницѣ: "у меня была княгиня С***, ко мнѣ назвалась графиня Ф**, на моемъ завтрашнемъ вечерѣ будетъ баронесса Л*" — не правда ли, такая женщина неоцѣненное лицо для комедіи современныхъ нравовъ? Не правда ли, что такое лицо будетъ занимательно и необыкновенно ново на сценѣ?... А отыскать такихъ лицъ въ Петербургѣ вамъ не будетъ стоить многого труда, если вы попадете въ общество, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь....

И послѣ всего этого не мудрено, что молодая И* не могла быть любима женщинами ея круга. Ей вмѣняли въ непростительный порокъ простодушіе и самобытность: то, что она, нехотя, рельефомъ выдавалась изъ этого общества, тогда какъ другія, при всемъ стараніи выказаться, едва скользили по его поверхности. Между толпою разряженныхъ куколъ, между расцвѣченными автоматами, она одна сверкала жизнью, заворачивала сердечностью, разливала окрестъ себя душевленіе.

И все это несомнѣнно было слѣдствіемъ воспитанія. Воспитаніе развило въ ней чувства, образовало сердце, вложило въ нее душу... А внутреннее образованіе надѣлило ее наружною прелестью. Вотъ отчего каждое слово этой женщины шло отъ сердца и къ сердцу, каждая рѣчь заставляла задумываться, каждый взглядъ говорилъ душѣ, каждое движеніе дивило непринужденностью. Здѣсь заключалась тайна ея очарованія. Въ восемнадцатомъ лѣтѣ, по приказанію отца, она должна была выйти замужъ за гвардейскаго полковника И*, потому что полковникъ имѣлъ въ виду большія связи. Вы вѣрно знаете, что значить имѣть *большія связи*; и кто же не знаетъ этого? Дѣвушка, которая выходитъ замужъ за *человѣка съ связями* — *дѣлаетъ хорошую партію*: такъ говорятъ въ свѣтѣ. Но полковникъ имѣлъ такія связи только въ виду, а на этомъ бракѣ отецъ основывалъ свое будущее и упивался восторгомъ при мысли, какъ ярко будетъ рисоваться звѣзда на его черномъ фракѣ, съ какою жадностью будетъ искать его дружбы какой-нибудь директоръ департамонта, а иногда, при случаѣ, благосклонно пожимать ему руку даже генераль-адъютантъ.

Дочь исчезала для него въ блескѣ звѣзды и въ сіяніи генераль-адъютантскихъ эполетъ.

Зять его принадлежалъ къ тому разряду офицеровъ, которые щегольски носятъ мундиръ, опрыскиваются съ ногъ до головы духами, носятъ на вечерахъ лайковые перчатки, ловко танцуютъ, ѣздятъ на рысакахъ, безжалостно расточаютъ слова и

не могут связать въ головѣ ни одной мысли. Замѣчательно, что эти люди, большею частью, слывуть въ обществѣ любезными, потому что много говорятъ, и славными товарищами потому что много пьютъ. Ко всему этому, полковникъ, какъ говорятъ, былъ человѣкъ *хорошаго тона*, по своей важной осанкѣ и по едва замѣтному киванью головы, когда ему кланялся человѣкъ, неприннадлежавшій къ обществу, въ которомъ благодарзусудила поставить его природа. Не знаю, гдѣ и какъ, года за два до того времени, съ котораго начинается мой разсказъ, полковникъ встрѣтилъ Зинаиду К*. *Влюбиться* было для него дѣломъ одного мгновения. Черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ съ самодовольной гримасой погладилъ усы, поправилъ хохоль передъ зеркаломъ, надушился болѣе обыкновеннаго и съ дерзкою самоувѣренностью отправился въ домъ К* съ рѣшительнымъ предложеніемъ. Тамъ онъ встрѣтилъ отца, который едва не принялъ его съ распростертыми объятіями; но, несмотря на это, желаніе полковника исполнилось не такъ легко и не такъ скоро, какъ онъ думалъ. Зинаида имѣла мать, которая любила ее со всѣмъ самоотверженіемъ, со всею нѣжностью и пылкостью!

Напрасно здѣсь я старался бы передать борьбу отого высокаго, святого чувства съ бездушностью, съ ядовитымъ эгоизмомъ. Что за польза поднимать закулисныя тайны семействъ, для того, чтобы безвременно отнимать у людей, еще не замѣченныхъ рокомъ, еще счастливыхъ невѣдніемъ, ихъ теплыя вѣрованія, ихъ свѣтлыя надежды? Для чего говорить имъ, что иногда тамъ, гдѣ они видятъ образцы домашняго счастья, кажется, ничѣмъ ненарушаемаго, всегда такъ отраднаго сердцу — тамъ подъ пріятною улыбкою скрываются кровавыя слезы и въ мертвой тишинѣ ночей разыгрываются драмы, отъ которыхъ при одномъ разсказѣ леденѣтъ кровь и которымъ, право, порой, позавидовала бы современная французская литература.

Какъ бы то ни было. Зинаида К* сдѣлалась женой полковника. Она повиновалась волѣ отца безъ всякаго сопротивленія: она была въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ живутъ только настоящею минутою и увлекаются обольстительной радугой свѣтскихъ игрушекъ. Къ полковнику она не имѣла отвращенія, и этого было довольно. Сердце ея еще не умѣло биться, она еще не восчувствовала самой себя; она была цвѣткомъ, только еще пророчившимъ роскошное развитіе. И все прекрасное, посягающее въ ней воспитаніемъ, и все высокое, дарованное ей свыше, должно было развиться тогда, когда уже заботливость людей опутала ее неразрываемыми цѣпями. Углубясь впервые въ самое себя, она ужаснулась: свобода ея далеко отлетѣла въ свою родину — небо... и она даже не видала отлета ея!..

По желанію мужа Зинаида должна была явиться въ общество. Этотъ скелеть, обвѣшанный мишурою и побрякушками, прннялъ ее въ свои ледяныя объятія. Здѣсь готовился ей второй ударъ: розовые листки ея воображенія сжимались отъ холода, блекли и постепенно облетали. На двадцатомъ году она успѣла испытать многое. Но прелесть жизни еще не такъ скоро оставляетъ насъ: ея черную сторону мы начинаемъ видѣть вполнѣ гораздо позже. Сначала грустныя, тяжкія минуты идутъ рука объ руку съ минутами отраднаго забвенія, чистой радости. Въ двадцатыхъ годахъ еще для насъ большая часть сторонъ жизни неразгаданныхъ, темныхъ, а потому привлекательныхъ; еще много развлеченій, еще много надеждъ. Опытъ не вдругъ, а постепенно, съ истинно злодѣйскимъ наслажденіемъ вырываетъ эти надежды одна за другою.